

Т. А. Князева,
журналист

Воскресение храма

На Красной площади в Москве, там, где людская круговерть возле ГУМа не затихает весь день, вид деревянной часоушки в честь иконы Казанской Божией Матери совершенно неожидан. Замираешь, забыв занимавшие тебя заботы, и медленно направляешься к ней — узнать, каким чудом она, эта крохотная часоушка, явилась здесь, в этом месте. И стоишь, и читаешь, и перечитываешь крупные буквы на щите, зовущем принять участие в возрождении Казанского собора, который когда-то стоял здесь, на Красной площади, напротив Никольских ворот Кремля. Стоишь — присмиранный и притихший среди многошумной торговой толпы, над которой несутся крики экскурсионных зазывал.

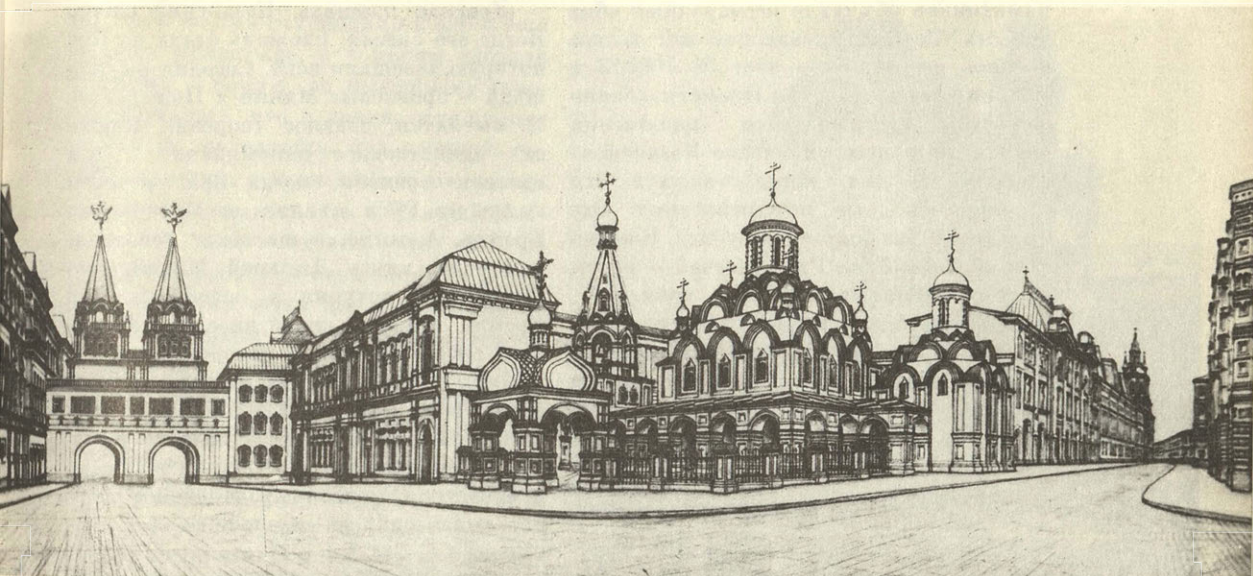
И не только ты. Перекрестившись перед образом Богородицы, положив в прозрачный сундучок свои рубли на восстановление собора, отойдешь поодаль и будешь смотреть, как за тобой подходит следующий, за ним другие. Идут и идут люди, никем не подталкиваемые, не нуждаемые, и несут свои «кровные» на благое дело восстановления святыни Российского государства.

Святыня Отечества! О том и было слово патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, произнесенное при закладке собора, — о том, что возрождение храма это каждого из нас возрождение. Ведь сколько храмов порушено, а впервые восстанавливается храм, и сколько святынь унижено — но впервые очищается святыня отцов.

Идея возрождения собора в честь иконы Казанской Божией Матери пошла от Петра Дмитриевича Барановского. Минуло почти десять лет, как его нет с нами, но время идет, и образ этого человека все более возвышается в наших глазах, и его служение избранному делу приобретает черты подвижничества. Бывают

смелые полководцы, смелые хирурги — это был великолепной смелости реставратор. Он был максималист и романтик, он умел верить и не знал компромиссов. Зрение его словно проникало толщу камня; сквозь наслоения веков ему являлась первичность форм, те мера и вкус, которыми владели зодчие и каменотесы минувших столетий. Трудно хотя бы коротко пересказать, сколь многим обязана советская реставрационная школа этому мастеру, исследователю, художнику, человеку. Он начал работы на Казанском соборе в двадцать седьмом году, сумел выявить очертания заложённых, переделанных древних сводов, рисунок горки кокошников — истинно русской, московской архитектурной формы, связующей своды с подкупольным барабаном, и начал уже видеться храм, каким был он в XVII веке, но год спустя работы оборвались. Ученый вступил в спор с высоким начальством по поводу намечавшегося сноса храма Василия Блаженного — и был отправлен на строительство забайкальской магистрали. А вернувшись в тридцать шестом, застал, как начали уничтожать Казанский собор. Трудно это представить: буквально изпод лома разрушителей реставратор вел обмеры, фотографировал, составлял чертежи обреченного памятника. Будто приводился в исполнение смертный приговор, а врач думал, как вернуть приговоренному жизнь.

До конца дней своих Барановский лелеял мысль о восстановлении храма. Все материалы, как завещание, он передал своему надежному ученику реставратору Олегу Журину. Именно в ту пору почитатель таланта Барановского кандидат архитектуры Геннадий Мокеев создал картину-реконструкцию Казанского собора, каким был он в XVII столетии, и подарил ее Петру Дмитриевичу в день

девяностолетия. На ней вставал прекрасный храм с пятиярусными кокошниками, как видение из сказки, — мечта Барановского. Петр Дмитриевич полюбил эту картину, но и ее отдал вместе с обмерами Журину, чтобы была на виду.

И картина действительно стала вдохновительницей. После кончины Петра Дмитриевича она неизменно сопровождала ежегодные «Чтения Барановского», установленные Московским городским отделением Всероссийского общества охраны памятников. Год от года идея возрождения Казанского собора захватывала новые и новые умы и вскоре вылилась в широкое движение.

В 1987 году создается комиссия по возрождению Казанского собора, а ее председателем избирают известного общественного деятеля академика И. В. Петрянова. На первом же заседании комиссии Журин вручает академику картину-реконструкцию собора — ту самую, полученную от Барановского. Это означало как бы благословение ушедшего из жизни Петра Дмитриевича продолжить начатое им дело.

Вспоминает Игорь Васильевич Петрянов:

— Избранный на пост председателя такого необычного общественного совета, долженствующего возродить редчайший памятник зодчества XVII века — Казанский собор, да еще в таком виде, как на подаренной картине, я поначалу, честно сказать, растерялся: что делать? После всех размышлений, так ничего и не придумав, а обстоятельства торопили, шло

обсуждение проекта реконструкции Музея Ленина, и, по проекту, место, где когда-то стоял Казанский собор, отходило к музею, я взял картину, аккуратно ее запаковал и отправился с ней в Центральный Комитет партии — к заведующему идеологическим отделом Вадиму Андреевичу Медведеву. Как и предполагал, никакого представления о Казанском соборе он не имел. Я водрузил картину к нему на стол и выложил все, что знал об этом памятнике. Естественно, история Казанского собора не могла не произвести впечатления: мой собеседник удивлялся, расспрашивал, внимательно вглядываясь в картину. Словом, мне показалось, мы отлично поняли друг друга. И в самом деле, при дальнейшем обсуждении проекта реконструкции музея моя акция с походом на Старую площадь сыграла свою роль: Московскому городскому отделению Общества охраны памятников было рекомендовано начать восстановление собора. А вслед за тем и Московский Совет принял решение о возрождении храма и передаче его Русской православной церкви...

Поистине на смену прежним временам шли новые — заключим мы этот рассказ. Еще пять — десять лет назад, в «доперестроечную» пору, мог ли кто-нибудь полагать, что в ведомстве партийной идеологии будет одобрено сооружение храма Господня. И где — в Москве, на Красной площади!

И началось живое дело: архитекторы-реставраторы принялись за проект, а городское отделение Общества охраны

Вид
на Казанский
собор.
Реконструкция

памятников объявило всенародный сбор средств. Каждый желающий мог теперь послать перевод — на счет № 700913 в Калининском отделении Промстройбанка г. Москвы, указав при заполнении бланка: «На восстановление Казанского собора». В дни, когда пишутся эти строки, народные пожертвования уже превысили два миллиона рублей. Воскресает исконный на Руси обычай — «всемирно» собирают деньги на храм.

Так без малого четыре столетия назад собирали на воздвижение Казанского собора сподвижники, ратники князя Дмитрия Пожарского — чтобы оставить память о народном подвиге, о преданности русских людей Русской земле и вечной вере отцов.

* * *

В день, когда был освящен закладной камень, патриарх говорил:

— Площадь, на которой мы стоим, называется Красной — красивой. Собор, который мы начали строить, также будет прекрасен. Пусть и наши души, наши жизни будут духовно прекрасны, светлы и совершенны...

Красная площадь, Казанский собор. Когда его снесли, площадь стала не той, которую завещали века. Сегодня на площади — бронзовые Минин и Пожарский. И мыслится, славное творение Марто-са — единственное напоминание о том грозном времени, когда враг разбоем гулял по Руси и сидел в Московском Кремле. А тогда, в шестьсот двенадцатом году, князь Дмитрий Михайлович Пожарский вступил в освобожденный Кремль, и воины князя внесли в Успенский собор святыню, с которой дошли до Москвы от Нижнего Новгорода, — Казанскую икону Божией Матери. Было это в осень — 22 октября, день святого Аверкия Иерапольского, и с тех пор этот день отмечается Русской православной церковью как один из главнейших ее праздников.

Как оказалась эта икона во главе ополчения? И почему приписывалась ей чудотворная сила? Легенда гласит, как в городе Казани некая девица по имени Матрона (Матрена) имела во сне видение. Будто явилась ей Божия Матерь и повелела известить о явлении своего нерукотворного образа. И указала, где его найти. На месте обретения иконы воз-

Первый субботник москвичей на территории Казанского собора

ник храм во имя Богородицы и затем был основан монастырь, а с иконы сделали «список» — копию, по нынешнему говоря (считалось, что и копия, освященная церковью, наделяется чудотворной силой), и с ним, с этим «списком», казанские ополченцы явились в Нижний Новгород. А надо сказать, что еще до того нижегородским священником Ермолаем, ставшим затем под именем Гермогена патриархом в Москве и злодейски замученным поляками, был сложен акафист — славословие в честь иконы Казанской Божией Матери. И молва распространила, что Гермогену явился на молитве Сергей Радонежский и предрек, что Русское государство будет спасено заступничеством Божией Матери Казанской. С символом этого заступничества — казанской иконой — воинство Пожарского и прошло весь путь до Москвы.

Из разоренного Успенского собора, после изгнания поляков, когда начались восстановительные работы, икону перенесли ко двору князя Дмитрия Михайловича, в приходскую церковь Введения Богородицы на Лубянке (угол нынешней Большой Лубянки и Кузнецкого моста). Вскоре же по указу царя Михаила Федоровича и на средства Пожарского и его боевых соратников при входе с Никольской улицы на Красную площадь для воинской святыни был построен особый храм: во имя обретения иконы и в память об освобождении Москвы.

Минуло немного времени, произошел пожар, столь частый на Москве, и «...многие церкви Божии в Китае и Кремле-городе погорели». Не уцелел и Казанский собор. Восстанавливал храм «подмастерье» Абрисим Максимов. По сути же храм строился заново — в соответствии с канонам, распространившимся в ту пору в московском зодчестве. Работы заняли два лета: 1635—1636 гг. Позднее справа от храма появился придел во имя казанских чудотворцев, была построена новая паперть, прибавилось парадное крыльцо — его напоминает та временная деревянная часовенка, которую к недавнему торжеству поставили на месте собора.

С той давней поры установилась традиция: в день праздника иконы, а праздновался день ее обретения, 8 июля, из Успенского собора Кремля к Казанскому

Казанский собор в процессе реставрации 1934 г.

направлялся крестный ход. Икона обносилась по крепостным стенам Кремля и Китай-города и служились поминальные молебны: в память ратников, павших в смутную годину, и всех воинов, не пришедших с полей сражений. А сколько их, ратных людей России, сложило головы в бесчисленных войнах, и не было рода, семьи, где не вспоминали бы мужа, брата, сына, отца! Потому-то такую подлинно народную значимость имели эти торжественные церемонии — крестные ходы и молебствия, которые совершались всем духовенством Москвы и при участии множества москвичей — и именитых горожан, и посадского люда. И едва ли не каждый стремился внести свою лепту в преуспевание собора. Возле Никольских ворот стоял тогда «раскат» — каменный помост с пушками наверху, построенный для защиты Кремля, а помещения под помостом «из оброку на десять лет» сдавались под торговые лавки купцу Данилову и заодно ему вменялось до яркого медного блеска начищать находившиеся на раскате пушки. Так вот, сохранилось свидетельство: повинуюсь велению души,

Архитектор-реставратор О. И. Журич вручает И. В. Петрянову картину с изображением Казанского собора

купец Данилов на свои деньги соорудил вокруг собора каменную ограду.

На протяжении веков собор был средоточием воинской чести России. Православное христоролюбивое воинство — какие высокие понятия нравственности, долга и веры вкладывали церковь и все, к церкви причастные, в эти слова, звучащие в молебствиях и поминовеньях. Вспомним, как иконой Казанской Божией Матери Москва благословила Кутузова на борьбу с Наполеоном; не отсюда ли, от ступеней Казанского собора, начался путь Кутузова к Бородину, и нечто величественное заключено в этой переключке времен: год 1812-й принял завет от 1612-го и тем встал с ним в историческом календаре Отечества. Собор изначально нес в себе идею русской воинской чести, напрямую соединенную с идеей православия, защиты Руси от религиозного, духовного порабощения. Ведь в годину смуты польские, литовские завоеватели огнем и мечом несли на Москву, на Русь католический крест. Тогда, в начале XVII века, исконные очаги православной веры Греция, Болгария, страны южных славян находились под турецким игом, Украина оказалась повязана римско-католической унией, пришельцы от Речи Посполитой заполнили срединные русские земли, — и где, в чем было искать спасения православной церкви, вере русских людей? Вере, соединенной с чувством национальным, понятием отчего дома, духовной преемственности поколений? Потому-то

в тот миг истории, когда католики глумились над святынями кремлевских соборов, когда, казалось, мир православного христианства вот-вот рухнет, победа русского воинства над иноплеменными захватчиками знаменовала спасение веры, полученной славянской Русью при Владимире Святом. И памятник победы русских людей в годину смуты — собор в честь иконы Казанской Божией Матери — стал памятником победы русского православия.

Но и не только. Время сплело на Москве драгоценную ткань — единства памятников-мемориалов, связанных с героической историей освободительной борьбы, которая в разные столетия выпадала на долю Русской земли. Посвященный освобождению Москвы, России от вражеского пленения и восстановлению Российского государства после смутных лет XVII столетия, Казанский собор стал как бы в ряд с памятником в честь воинов Куликова поля — церковью Всех Святых «на Кулишках», сохранившейся на нынешней площади Ногина, бывшей Варварской площади, как звалась она встарь. Неспроста и в самих формах архитектуры оба памятника похожи один на другой: так получилось, что более древний храм «на Кулишках», конца XIV века, был перестроен примерно в пору сооружения Казанского собора. Как это верно, что в честь побед и в память тех, чьей жизнью были оплачены победы, ставили на Руси храмы! Храм в честь воинов Дмитрия Донского, храм в честь

воинов князя Пожарского и, наконец, храм-апофеоз памяти 1812 года, возникший на волне патриотизма русских людей и преданности православной Христовой вере, — храм Христа Спасителя. Они — вершины национального самосознания, сохранения нравственных заветов, которые переходили от поколения к поколению в череде столетий. А коль так, представим себе место, значение Казанского собора в кругу духовных ценностей далеких наших дедов и прадедов: по своему смыслу для Москвы, для России собор Казанской Божией Матери явился предтечей храма Христа Спасителя. С ним он и разделил его горькую участь, но это уже повесть о иных временах и ином отношении к ценностям нравственным.

Он врос в историю Москвы, в историю России — Казанский собор. В царствование Елизаветы Петровны рядом, по соседству, там, где теперь Исторический музей, а тогда стояло здание Главной

аптеки, — в нем, в этом здании, разместился первый в России университет, основанный стараниями Ломоносова. Собор стал для новорожденного университета своего рода приходским храмом, и, может, на его плитах, перед казанским образом Божией Матери, преклоняли колена питомцы университетской гимназии — Новиков и Фонвизин, будущий великий зодчий Баженов и будущий сиятельный князь Потемкин. И это тоже памятка на великом древе жизни России.

Но и задолго до того здесь гремело слово неистового Аввакума: с самого же начала церковной реформы, когда Никон стал патриархом и воздвиглись гонения на ревнителей древнего благочестия, Казанский собор стал амвоном старообрядства. «Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило», — читаем мы в «Житии» Аввакума. Одно время он и жил при соборе у протопопа Ивана Неронова,

Временная
деревянная
часовня

Крестный ход
в честь иконы
Казанской
Божией Матери.
Москва, 1990 г.

такого же убежденного противника никонианства: «А мне отец духовный был; ...егда куды отлучится, ино я ведаю церковь». Отказавшись служить по новому обряду, Аввакум демонстративно покинул собор, и с той поры, с порога Казанского собора, начались для мятежного протопопа его несчетные злоключения. Но и из Пустозерска, с берегов Печоры, передавались в Мезень, а оттуда в Москву его огненные писания, воспламеняли тысячи и тысячи людей. Может, и здесь Казанский собор, где, конечно же, осталась память об Аввакуме, играл свою роль?

Это то, что мы знаем, а сколько не знаем и лишь можем представить, нарисовать в своем воображении! Свидетелями скольких высоких побуждений сердец человеческих были стены собора во все времена, сколько слышали они молитв об упокоении сынов Отечества, сложивших головы в войнах, которые вела Россия, а уж чего-чего, войн ей всегда хватало... «Храни, о Русь, себя, храни!» — скажем мы об истинности этих слов строкой современного нашего поэта.

* * *

Мы вновь обращаем взгляд к картине-реконструкции собора, которую подарили Барановскому. Нарядное, праздничное соединение красного и белого — краснокирпичной кладки стен и белокаменной резьбы в декоративных украшениях, наличниках окон — являло собой выражение народного вкуса, как в крестьянской одежде, где по белому холсту — вышивка красным крестом. А кстати, потому всегда и был столь близок русский храм русскому человеку, что нес в себе народные, неизменные представления об эстетическом идеале — выражении духовности и красоты. Праздник духа, возвышение духа — для того и строился храм, таким был и Казанский собор. Собор радовал взгляд затейливой игрой «вперебежку» изящных островерхих кокошников, которые, подобно языкам застывшего пламени, поднимались от стен к завершению храма. За то и назывались такие храмы — «огненными», будто в нетленном камне восходит к вечной памяти, к вечному духу вечный огонь. Сколь много мог выразить в камне древний русский зодчий! Здесь и

вознесение веры, и понимание ее народных, национальных основ, здесь сопричастность вышней истине и осознание земной человеческой красоты.

Всего, как полагает исследователь старого русского зодчества Геннадий Мокеев, Москва построила в XVII веке около трехсот таких «огненных» храмов. Казанский собор явился в их ряду одним из первых. Его пятиярусная пирамида кокошников прозвучала программным словом новой по тому времени московской церковной архитектуры. Мы вправе догадываться, что строитель собора Абрисим Максимов мог быть учеником знаменитого Федора Коня, создателя каменных стен и башен Белого города по линии теперешнего Бульварного кольца, поставившего храм «на Кулишках», — во всяком случае, образцом послужило чуть более раннее творение старшего собрата, перестроившего храм во имя воинов Куликова поля. Есть свидетельства, что Абрисим Максимов построил храм тоже в честь Казанской Божией Матери в Коломенском дворце царя Алексея Михайловича — том самом, который современники почитали восьмым чудом света, и, может, не один еще храм в Москве таит в себе прикосновение таланта этого большого и самобытного московского мастера XVII века.

Думаешь о том, как веками скапливала Москва сокровищницу своей архитектуры и как во многом быстро ее растеряла. Эту горечь не умалить. Только теперь мы понимаем, как уничтожали в нас самую нашу историю. В Первомайские ли, в Октябрьские дни шли по Красной площади колонны демонстрантов, гремели оркестры, реяли флаги, восторженные взоры устремлялись к трибуне мавзолея, а тут же, на площади, на месте Казанского собора, лежало поруганное пепелище вековой, великой национальной культуры, на котором поочередно красовались то нелепое сооружение, обитое красным кумачом, то торговые ларьки, то общественный туалет, и белокаменные фундаменты под привозным, наносным грунтом действительно были как могила истории, которую сравнивали с мусором, прахом.

Вспоминаю, рассказывал исконный москвич, человек давно уже не молодой:

— Я был мальчишкой, когда в тридцать шестом году, как и Казанский собор, сломали церковь Успения на Покровке. Школа и пионерский отряд уже внушили мне, что Бога нет, и мне казалось, Москву освобождают от старой

рухляди. Мог ли я тогда думать, что во мне убивают чувство Отечества. Это потом уже, в зрелую пору, я прочитал, что церковь на Покровке Василий Иванович Баженов почитал одним из прекраснейших творений старого московского зодчества!..

Нынче время возврата к себе. Возвращения в отчий дом. Настало время прозрений. Но кому и в чем каяться, у кого и какого просить прощения в невинной нашей вине, о какой порог биться лбом, чтоб перестать быть блудными сынами в своем Отечестве? Как смотреть на себя — обманутых, оболганных, когда в государстве, в которое верили, в государстве, возгласившем себя правопреемником всего лучшего, созданного человечеством, святыни народа рушились торжествующим невежеством и народ, ослепленный ложью и злом, не видел своего духовного самоуничтожения? Потому-то с таким облегчением, словно камень спал с души, был воспринят торжественный акт, свершившийся на Красной площади, — освящение восстанавливаемого собора. Потому-то из плена всего уходящего, наносного, ложного высвобождается истинное, непреходящее: есть еще Россия, и русский человек, и русское Отечество.

Во времена Пушкина и Гоголя был митрополит Московский и Коломенский — Филарет, человек, умевший ценить российские древности. Ему принадлежат такие слова: «Памятник есть безмолвный проповедник, который в некотором отношении лучше говорящего, потому что никогда не бросает своей проповеди и она доходит до целого народа и до многих последовательных родов». Будем верить, восстановленный собор снова станет проповедником чести минувших времен. Но будем верить и в то, что он станет проповедником и наших дней — нашего духовного возрождения, и в безмолвной своей проповеди скажет о нас тем, кто будет жить после нас.

Времена сходятся. Смута та, четырехвековой давности, в память избавления от которой был поставлен собор, и сегодняшнее предощущение смуты новой, которая грозит России, и не дай Бог, если она повторится. В дни великого ожидания России восстанавливается храм. Древний знак вызволения России от бед — да станет он, возрожденный из небытия, знаком возрождения России!